

Государство и организация национальной хозяйственной системы

© 2017 Ваславская Ирина Юрьевна

доктор экономических наук,
заведующий кафедрой экономики предприятий и организаций
Набережночелнинский институт (филиал)
Казанского (Приволжского) федерального университета
423812, Республика Татарстан, г. Набережные Челны,
пр-т Мира, д. 68/19 (1/18)

© 2017 Гогачева Ольга Владимировна

кандидат экономических наук, доцент
Московский государственный медико-стоматологический университет
имени А.И. Евдокимова
127473, г. Москва, ул. Делегатская, д. 20, стр. 1
Email: vaslavskaya@yandex.ru, kaf.ek.a@yandex.ru

Рассматриваются основные функции государства в системе вертикальных и горизонтальных взаимосвязей и взаимозависимостей хозяйствующих субъектов и государства, обусловленных обменом деятельностью и ее результатами. Особое внимание уделяется оценке эффективности государства как центрального института экономической системы и его оптимальных масштабов вмешательства в рыночные отношения.

Ключевые слова: государство, рыночные отношения, хозяйственная система, собственность, транзакционные издержки, эффективность.

В основе структурных связей макроэкономических систем лежат организационные процессы, которые связаны с центральным элементом органической целостности - государством. Еще классики немецкой философии Кант, Шеллинг, Гегель рассматривали организацию как непрерывно саморазвивающуюся целостность. Шеллинг писал: "Организованность - это всего лишь изменчивость, заключенная в границы и представленная в неподвижном виде"¹.

Саморегулирование (самоорганизация) осуществляется в результате структурных изменений посредством взаимопревращения внутренних различий явления, т.е. вариантных структур. Другими словами, самоорганизация как существенная характеристика структурных связей сопряжена с экономическими агентами, которые, обладая правами собственности, вступают в контрактные отношения по поводу обмена хозяйственной деятельностью и ее результатами. Что же касается организации как диалектической пары явления организации, взаимопревращение которых и поддерживает структурные связи хозяйственной целостности, то она связана с одним экономическим агентом - государством.

Таким образом, существенная черта организации и самоорганизации, реализуемых в резуль-

тате горизонтальных и вертикальных взаимосвязей экономических агентов, состоит в том, что они, взаимообуславливая друг друга, предполагают те или иные формы движения, т.е. процессуальность экономической системы, ее динамику. В таком случае взаимопревращение организации и самоорганизации, с одной стороны, и структура - с другой, выступают однопорядковыми явлениями, характеризующими устойчивую упорядоченность связей компонентов целостного объекта. Иными словами, именно они определяют стабильность и устойчивость макроэкономической целостности. Но сама структура предстает в статической и динамической формах, поэтому и организация, и самоорганизация включают в себя их единство.

Выражением единства вертикальных связей сосуществующих взаимозависимых экономических агентов выступает организация, сопряженная с механизмом самодвижения центрального элемента системы - государства. Важнейшими чертами организации являются равновесие, покой, качественная неизменность, достигаемые через непрерывное самодвижение. Причем организованность всегда проявляется как взаимодействие в застывшем виде, в отличие от непрерывного движения, направленного внутрь объекта

до бесконечности. Наиболее совершенная организация имеет предельный момент самодвижения, выражающийся в высокой динамичности взаимодействия элементов, что и обуславливает организованность и целостность хозяйственного образования.

Организация хозяйственных целостностей является результирующей процессов дифференциации и интеграции экономической деятельности. При этом динамическим ее аспектом выступает дифференциация - изменение элементов структуры, - predetermined обособлением на основе прав собственности, а статическим - интеграция, предполагающая объединение дифференцированных элементов и связей между ними, согласование их проявлений. Исходя из этого, мы должны признать, что государство, как центральный элемент экономической системы, воплощающий ее организующее структурное начало, должно было возникнуть и развиваться, выполняя только те функции, которые были необходимы для сохранения ее целостности.

Теория организации экономических систем и теории прав собственности не могут быть полными без теории государства. Это связано с тем, что отношения собственности предстают в виде взаимосвязей между экономическими агентами, которые санкционированы обществом (а точнее, государствами и созданными им формальными институтами) в отношении порядка извлечения индивидуума полезности из экономических благ через систему частичных правомочий². Если бы собственник не обладал ими, то он не смог бы вступать в отношения с владельцами других благ по поводу обмена экономической деятельностью и ее результатами. Ведь именно государство представляет собой агентство по спецификации и защите прав собственности. С отправлением именно этих функций связана одна из важнейших категорий трансакционных издержек. Однако многие теоретики прав собственности отмечали, что удовлетворительной теории государства до сих пор не существует³.

По отношению к организации экономических систем на основе таких институтов, как рынок и частная собственность, государство представляет собой парадоксальное явление: для нормального функционирования и защиты этих институтов, оказывается, нужен механизм, базирующийся на противоположных принципах централизации и коллективной собственности. Это всегда являлось интеллектуальным пазлом: «В рамках их рыночных воззрений (представителей теории прав собственности и трансакционных издержек) правительство выступает как социальный институт по обеспечению свободы

контрактации и предоставлению товаров и услуг, которые не могут распределяться через рынки. Вместе с тем существует давно укоренившееся подозрение, что нерыночное распределение привилегий по принципу “один человек - один голос” ведет к конфликту между способами организации политической и экономической сфер общества»⁴.

Наиболее интересная трактовка проблемы государства в рамках теории прав собственности была предложена Д. Нортон. По его определению, государство - это “организация со сравнительными преимуществами в осуществлении насилия, распространяющаяся на известный географический район, границы которого определяются ее властью над налогоплательщиками. Сущность прав собственности - в праве на исключение, и одновременно организация, обладающая сравнительным преимуществом в насилии, которая оказывается в состоянии специфицировать и защищать права собственности”⁵.

В истории идей можно выделить два основных подхода к государству - теорию общественного договора и теорию эксплуатации. В первом случае появление государства мыслится как некий первоначальный контракт, предполагающий признание прав индивидуума на определенные ресурсы со стороны других участников договора в обмен на его отказ от притязаний на остальные ресурсы и согласие уважать чужие права на них. Государство возникает как третейская сторона, гарантирующая соблюдение условий первоначального общественного договора. Контрактный подход объясняет, почему государство может потенциально обеспечить структуру прав собственности для более эффективной аллокации ресурсов, повысив тем самым уровень благосостояния в обществе.

Эксплуататорские теории (к ним относится и теория К. Маркса) видят в государстве орудие господствующих групп или классов. Его функция - “перекачка” дохода от остальных членов общества в пользу властвующей группы или класса: “Эксплуататорское государство устанавливало бы такую структуру прав собственности, которая максимизировала бы доход находящейся у власти группы независимо от того, как это влияло бы на благосостояние общества в целом”⁶.

В контрактной теории речь идет о выгодах, которые получают все участники первоначального договора, в эксплуататорской теории - о ренте, извлекаемой правящей группой. Но и для охраны договора, и для поддержания господства необходимо насилие. Поэтому, как настаивают теоретики прав собственности, контрактный и эксплуататорский подходы не являются несов-

местимыми: “Распределение “потенциала насилия” – вот что объединяет их. Контрактная теория предполагает равное распределение потенциала насилия среди участников договора. Теория грабительского происхождения государства предполагает неравное его распределение”⁷.

И в контрактной, и в эксплуататорской теории государство наделяется властью устанавливать и перераспределять права собственности. Только в первом случае это происходит в соответствии с интересами членов общества, во втором – в соответствии с интересами правящей группы.

Доминирующая цель государства – выработать такую структуру прав собственности, чтобы с ее помощью можно было достичь максимизации своего дохода. В рамках этой задачи оно стремится производить такой набор общественных и полублагодетельных благ и услуг, который минимизировал бы его затраты на спецификацию и защиту прав собственности: “Экономика на масштабах, связанная с разработкой системы законодательства, правосудия и обороны, является основным глубинным источником цивилизации”⁸. В результате гигантской экономии на масштабах при централизованном производстве общественных благ и услуг неизмеримо возрастают размеры разделения труда и объем обмена, отчего выигрывают все члены общества.

Задачи государства оказываются, следовательно, противоречивыми: “Вторая задача предполагает полностью эффективный набор прав собственности с целью максимизации совокупного продукта общества; первая ведет к попыткам специфицировать такой набор фундаментальных правил, который позволил бы правителю максимизировать свой доход (или, если мы желаем ослабить предпосылку о единоличном правителе, – максимизировать монопольную ренту группы или класса, чьим агентом выступает правитель)”⁹. В результате конкретные формы государственной власти будут определяться теми ограничениями (прежде всего, издержками транзакции), в которых она будет вынуждена действовать. При этом сталкиваются несколько критериев распределения прав собственности: 1) эффективности; 2) относительной договорной силы; 3) максимизации дохода казны.

“Фактически наиболее очевидные уроки истории состоят в том, что политические системы имеют врожденную склонность устанавливать неэффективные права собственности, что приводит к стагнации и упадку. Такому исходу есть две главные причины. *Во-первых*, извлекаемый правителями доход может быть больше при неэффективной структуре прав собственности, ко-

торая, однако, допускает более действенный контроль и поэтому более внушительное взимание налогов, чем при эффективной структуре прав собственности, которая имеет высокие издержки по контролю и регулированию. *Во-вторых*, правители редко могут позволить себе устанавливать эффективные права собственности, потому что они вызвали бы этим недовольство среди значительной части подданных и, таким образом, сделали бы свое положение менее надежным. То есть даже тогда, когда правители желали бы установить правила, исходя из критериев эффективности, соображения выживания будут диктовать им иной курс действий, потому что эффективные правила вызвали бы раздражение могущественных политических групп со специальными интересами”¹⁰. Как полагает Д. Норт, этим объясняется конфликт между задачами экономического роста и большинством существовавших в экономической истории правовых режимов собственности: “На самом деле структура прав собственности, которая максимизирует ренту для правителя (или правящего класса), находится в конфликте со структурой, которая обеспечивала бы экономический рост”¹¹.

И развитие, и отсутствие экономического роста оказывают дестабилизирующее воздействие на государство и господствующую систему отношений собственности. В первом случае технический прогресс и расширение рынков меняют сложившуюся систему относительных цен, что усиливает давление групп, которые могли бы извлечь выгоду из этих изменений, на государство с целью пересмотра существующего правового режима. Эти группы направляют больше ресурсов на политические цели с тем, чтобы реализовать экономию транзакционных издержек в соответствии с открывшимися возможностями. Во втором случае усиливается угроза извне со стороны конкурирующих государств. Следовательно, конкурентное давление в сторону установления более эффективной системы прав собственности способно пробивать себе дорогу и в той, и в другой ситуации.

По мнению Р. Познера, любые решения государства как субъекта управления должны соответствовать критерию экономической эффективности (он может определяться как “принцип максимизации богатства”, “принцип минимизации транзакционных издержек” и т. д.). Р. Познер сформулировал ясную и простую максиму: “юридические правила должны подражать рынку”, или, говоря иначе, способствовать установлению такого распределения прав собственности, которого достигал бы рынок при отсутствии транзакционных издержек и которому экономи-

ческие агенты приходили бы сами, не препятствуй им в этом положительные издержки транзакции.

Соображения эффективности входят в анализ на двух уровнях. Они призваны служить ориентиром при решении вопросов, во-первых, о том, кого наделять правом, и, во-вторых, о том, какую форму юридической защиты избирать.

В мире без транзакционных издержек сделки продолжались бы до тех пор, пока никто уже не смог бы улучшить своего положения, не ухудшив при этом положения кого-то другого, т. е. пока не достигалась бы оптимальность по Парето. Если бы право было предоставлено агенту, для которого оно имеет малую ценность, он без каких-либо дополнительных затрат продал бы его, так что оптимальное распределение ресурсов было бы мгновенно восстановлено.

При положительных транзакционных издержках ситуация меняется. Их уровень может быть настолько велик, что потенциальные участники сделки вынуждены будут отказываться от ее совершения (передачи правомочия от хозяина ранчо к фермеру так и не произойдет). Но даже если акт купли-продажи права состоится, он все равно будет сопровождаться чистой растратой средств - добавится одна лишняя транзакция, которой можно было бы избежать. В идеальном мире Коуза право без всяких трений проходит путь от первоначального обладателя к конечному, для кого оно имеет максимальную ценность. В реальном мире траектория передачи прав перестает быть нейтральным фактором.

Чтобы минимизировать проистекающие отсюда потери, государство должно изначально наделять правом ту сторону, которая ценит его выше. "Транзакционные издержки максимизируются, - утверждает Р. Познер, - когда закон: 1) наделяет правами сторону, которая выкупила бы его у другой стороны, если бы та была им наделена и если бы издержки транзакции были равны нулю; 2) или, наоборот, возлагает ответственность на сторону, которая, имея она право, продала бы его при нулевых издержках транзакции"¹². Но руководствоваться этим правилом можно только, если государство (а в его лице суд) располагает совершенной информацией о том, кто - истец или ответчик - был бы готов заплатить большую сумму за возможность обладания правом.

Однако и в условиях неопределенности, считают теоретики экономики права, государство должно действовать по той же "эффективной" схеме: скажем, если не известно точно соотношение выгод и ущерба, ответственность дол-

жна быть возложена на сторону, способную лучше их оценить; если не известно и это, ответственность должна быть возложена на сторону, которая с более низкими издержками может исправлять ошибки в первоначальном распределении правомочий и т. д. Выбор способов юридической защиты прав собственности государством также должен направляться критерием экономической эффективности.

Г. Калабреззи и Э. Меламед выделили три основные формы защиты полномочий, которыми располагают члены общества¹³. По их мнению, правомочие защищено правилом собственности только в том случае, если правомочие можно получить от его обладателя лишь в результате добровольной сделки по взаимно согласованной цене. Такая форма защиты дает наименьший простор для государственного вмешательства: она позволяет обеим сторонам сообщать о ценности правомочия для каждой из них и предоставляет продавцу право вето, если он не удовлетворен предложенной ценой: "Правило собственности предполагает коллективное решение о том, кому должно быть дано первоначальное правомочие, но не о том, какова его ценность"¹⁴.

Когда кто-то может присвоить себе правомочие по объективно установленной цене (например, уплатив компенсацию за возможность загрязнять выбросами окружающую среду), то оно защищено правилом ответственности. После того как цена определена, обладатель правомочия (продавец) лишается права вето. Он не может потребовать от покупателя повысить цену в случае несогласия с ней. Объем государственного вмешательства возрастает: оно определяет не только первоначальное распределение прав собственности, но и устанавливает помимо воли участников сделки цены, по которым правомочия могут передаваться или ликвидироваться.

Наконец, правомочие является неотчуждаемым в той мере, в какой его передача не допускается даже при обоюдном желании участников сделки (например, никому не предоставляется права продавать себя в рабство). Государство, помимо определения первоначального распределения прав собственности и назначения компенсации при их продаже, ограничивает их передачу саму по себе.

Итак, реализация обмена деятельностью возможна лишь при условии обособления элементов хозяйственных систем посредством формирования собственности, функцией которой является обеспечение обмена деятельностью и ее результатами на макроуровне экономической системы. Если экономические агенты находятся в состоянии неопределенности, поскольку не зна-

ют точно, какую ценность представляет право для каждой из сторон, и если трансакционные издержки настолько велики, что могут полностью парализовать экономическую деятельность в какой-либо сфере, применяются правила ответственности. Другими словами, государство берет на себя установление объективной цены, по которой разрешается присваивать полномочия.

В любом случае, принцип экономической эффективности является определяющим и при выборе государством носителей права, и при выборе форм юридической защиты. Хотя критические исследования показали, что этот критерий далеко не нейтрален (он благоприятствует сохранению статус-кво, производителей ставит в более выгодное положение по сравнению с потребителями, состоятельных членов общества - по сравнению с неимущими и т. д.), тем не менее без него экономика права едва ли вообще могла бы занять определяющее место в выявлении закономерностей развития вертикальных и горизонтальных связей в экономической системе с установлением роли государства в данных процессах. И именно поэтому оценка эффективности деятельности государства была, есть и будет серьезной проблемой для любой современной национальной экономической системы.

¹ Шеллинг В.И. Система трансцендентального идеализма. Ленинград, 1936. С. 209.

² См.: Ваславская И.Ю. Роль государства в институциональном обеспечении функционирования национальной экономики // Экономические науки. 2014. □ 1 (110); Гогачева О.В. Новое качество экономических отношений в инновационном производстве как условие максимизации индивидуального благосостояния // Экономические науки. 2012. □ 9 (94); Стерликов Ф.Ф. Модели хозяйствования // Экономические науки. 2012. □ 3 (88).

³ *The economics of property rights* (1974). Ed. by E.G. Furudoth, S. Pejovich, Cambridge, p. 169.

⁴ Nutzinger H.G. (1982) The economics of property rights: a new paradigm in economic science? In: *Philosophy of economics*. Ed. by W. Stegmuller, Berlin, p. 174.

⁵ North D.C. (1981) *Structure and change in economic history*. New York, p. 21.

⁶ Ibid, p. 22.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid, p. 24.

⁹ Ibid.

¹⁰ North D.C. (1987) Institutions, transaction costs, and economic growth. *Economic Inquiry*, vol. 25, 3, p. 422.

¹¹ Barzel Y. (1982) Measurement costs and the organization of markets. *Journal of Law and Economics*, vol. 25, 1.

¹² Цит.по: Schweizer U. (1988) Externalities and the Coase theorem: hypothesis of result? *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, vol. 144, 2, p. 93.

¹³ Calabresi G., Melamed D.C. (1972) Property rules, liability rules, and inalienability: one view of the cathedral. *Harvard Law Review*, vol. 85, 2.

¹⁴ Ibid, p. 1094.

Поступила в редакцию 04.05.2017 г.